



Барбара
Морриган

ЧУДОВИЩЕ
И
ЧУДОВИЩА



Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М80

Разработка серии и художественное оформление
Александры Харитоновой

Морриган, Барбара.

М80 Чудовище и чудовища / Барбара Морриган. — Москва : Эксмо, 2022. — 448 с.

ISBN 978-5-04-106464-8

Такута — патологоанатом. Неплохая профессия для того, кто может видеть прошлое людей, прикоснувшись к ним... Уже много лет он скрывает свой дар, чтобы люди не считали его изгоем. Но однажды на его стол попадает девушка, погибшая в бою с чудовищем. Коснуться её — значит открыть неизведанное в мире, где ничего необычного не происходит.

Решится ли Такута разбудить свои способности? Увидит ли он в звере отражение себя или, посмотрев вокруг, поймёт, что уже давно окружён монстрами?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Морриган Б., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-106464-8

Глава 1

ТАКУТА

«Мир двуличен, правды в нём не уловишь, временами каждый из нас злодей. Я почти всегда находил чудовищ там, где должен был находить людей»

(Defin)

— **А** ну отдай! — Такута схватился за тряпичную куклу и с силой потянул на себя. С другой стороны её крепко держал Хао — толстый мальчишка, живущий по соседству и бывший аж на два года старше. — Отдай, а то пожалеешь! — снова прокричал Такута. На самом деле он не имел ни малейшего понятия, как именно заставит Хао пожалеть, потому что от одного его вида у тщедушного пятилетнего Такуты начинали трястись колени. Помимо внушительных размеров и хамоватой ухмылки, Хао был обладателем ужасных шрамов, покрывающих левую половину его наглого веснушчатого лица.

— Ну и что ты сделаешь? — ухмыльнулся он, обнажив щербинку между зубами.

Такута зажмурился и с силой толкнул соперника в грудь. Сделав глубокий вдох, он боязливо поднял глаза и обнаружил, что ненавистный Хао не сдвинулся с места. Такута смотрел на него пару секунд, как вдруг почувствовал, что в глазах темнеет, а кончики пальцев руки, которой он коснулся хулигана, начинает охватывать жжение. За долю секунды взгляд заволокло темнотой, и Такута почувствовал, как теряет сознание.

Открыв глаза, он обнаружил себя в незнакомом доме. Обстановка была бедной, но довольно уютной: кровати аккуратно застелены, вокруг невысокого стола в гостиной покоились несколько вручную расшитых подушек, а с кухни доносился приятный аромат. Такута хотел было осмотреть себя, но, к его удивлению, сделать это ему не удалось. Голова, как и всё остальное, совсем не слушалась, и он мог лишь растерянно скользнуть взглядом по окружающим предметам. Такое чувство, что он оказался в чужом теле, которое, втянув ароматный воздух носом, резко развернулось и помчалось в сторону кухни, шлёпая босыми ногами по деревянному полу. У огня стояла светловолосая женщина и задумчиво помешивала что-то в раскалившемся у основания котелке. Глядя на её хрупкое телосложение, Такута невольно задумался о том, как ей вообще удалось поднять целый котёл воды на угли.

— Мама! — Такута испугался собственного голоса, внезапно вырвавшегося из его груди. — Есть хочу!

Голос звучал совсем непривычно и чужеродно, как будто говорил не он. Да и мать у плиты стояла явно не его — эту женщину он никогда прежде не встречал.

— Подожди, сладкий, — улыбнулась она, выпав из мечтательной задумчивости, — ещё не готово.

— Сейчас! — снова прокричал мальчик и настойчиво дёрнул мать за юбку.

И вдруг Такуту осенило — он отлично знает этот голос! Это был голос Хао, того самого хулигана, что отравлял ему жизнь в последние несколько недель. Разве что звучал он чуть более высоко, словно этот ребёнок был младше на пару лет. В это мгновение время будто бы замедлилось, и Такута смог разглядеть каждую мышцу, дрогнувшую на испуганном лице женщины. Также он смог различить и котёл, задетый её локтём и грузно заваливающийся набок, исторгая из себя густой пар и горячий суп с кусочками батата и зелени. За секунду он обрушился на мальчика неудержимым водопадом, опаяя его обжигающей жидкостью...

— Аaaa! — закричал Такута и, закрыв лицо руками, повалился на спину.

— А ну вставай! Сейчас я тебе задам! — донёсся до него голос Хао откуда-то со стороны.

За ним последовал лёгкий пинок по ноге. Такута в страхе открыл глаза и обнаружил себя на той же пыльной дороге у рисового поля, на которой буквально пару секунд назад толкнул самого сильного и озлобленного хулигана во всей округе. — Будешь знать как со мной свя... что? — Хао резко изменился в лице и попятился назад. — Чт-то с тв-воим лицом? Тьма!

Такута непонимающе уставился на Хао, но тот лишь вскрикнул и бросился бежать, оставив на дороге куклу, из-за которой и был затеян спор. Такута неуклюже поднялся, отряхнувшись от пыли, и осторожно ощупал своё лицо. Оно казалось прежним, за исключением одной детали — внушительную часть его левой половины покрывал глубокий ожог.

В тот день жизнь Такуты изменилась. У судьбы странное чувство юмора, и она выборочно одаривает редких жителей Охайи сверхъестественными способностями. Такуту всегда занимали истории о тех, кто может больше, чем все остальные люди, но он никогда не представлял себя в этой роли. Да ещё и способность ему досталась совершенно дурацкая: коснувшись человека, он видел его прошлое, будто смотря на мир его глазами. Кому-то это могло бы показаться полезным, если бы не одна деталь: вместе с воспоминаниями Такута также подвергался физическим воздействиям, пережитым человеком, и перенимал все его увечья

и травмы. А какое именно воспоминание ему доведётся увидеть, он знать не мог. С того самого дня ему пришлось стать предельно осторожным и не покидать дом без перчаток.



— ...И люди увидели, как храбрая воительница вышла из горящего дома целой и невредимой, потому что огонь не мог ей навредить.

Мать Такуты часто садилась с ним на ворсистый ковёр у огня прохладными осенними вечерами и читала старые легенды вслух.

— Получается, огонь был её другом? — наивно спросил мальчик, дослушав историю до конца.

— Именно так, — улыбнулась женщина.

— Мама, а почему у меня такого нет? Если я тоже умею необычные вещи, то кто же тогда мой друг?

— У тебя будет много друзей, милый. Но не забывай, что самый главный друг для тебя — это ты сам.



— С днём рождения, Такута! — Отец потрепал мальчика по волосам. — Вот, держи. — Он протянул сыну свёрток коричневой бумаги, перевязанный красной ленточкой. Такута с жадностью бросился распаковывать подарок,

которым оказалась увесистая книга в потрёпанной кожаной обложке.

— Что это? — мальчик поднял карие глаза на отца.

— А ты открой!

Такута раскрыл книгу и перелистнул несколько страниц. Его взгляду предстали красочные картинки, иллюстрирующие статьи о самых удивительных явлениях Охайи. Среди них были и диковинные животные, которых мальчик не мог даже вообразить, и легенды о феноменальных способностях людей, и просто вкладыши с короткими заметками о сверхъестественных событиях.

— Это — Серая Мифология, — полушёпотом сказал отец, — таких книг в мире всего несколько. И мы с мамой хотим, чтобы она всегда напоминала тебе, — мужчина присел на корточки, чтобы оказаться на уровне глаз Такуты, — что в мире много чудес. И что ты — часть этого мира.

Мальчик поблагодарил родителей, но на время отложил книгу. У ребёнка много других важных дел помимо чтения: например, поймать жука и рассматривать устройство его лапок. Или нарисовать план сооружения штаба на раскидистом дереве через пару улиц, чтобы потом брести домой заклеивать разбитую коленку. Или рассчитать, насколько длинный прыжок требуется, чтобы перемахнуть через

ту огромную лужу грязи (подсказка: длиннее, чем казалось на первый взгляд). Такуте нравилось познавать мир и выдумывать себе игры, но он всё сильнее чувствовал, как этот же мир его отвергает.

— Эй, монстр, чего ты тут забыл? — окликнула его высокая девчонка с растрёпанными рыжими волосами.

— Я хотел с вами поиграть, — неуверенно ответил Такута, — а то у меня своего мяча нет.

— Вот уж спасибо, — вмешался ещё один мальчишка из компании, собравшейся на площадке, — ещё дотронешься до кого-нибудь!

— Не дотронусь, обещаю! — обиженно выкрикнул Такута.

— Нет уж! Иди играй с такими, как ты!

Дети расхохотались, заставив Такуту отвернуться и побежать домой, поднимая дорожную пыль маленькими ногами.

Такута уселся на тонком матрасе, расстеленном в углу небольшой комнаты и усеянном горой подушек. Мальчик утирал нос рукавом, стараясь держать себя в руках, но слёзы сами катились по щекам. Слава о его дурацкой способности разнеслась быстрее, чем он успел понять, что это такое — дружить с кем-то. Даже его немногочисленные знакомые, жившие в соседних домах, перестали с ним здороваться, делая вид, что его не существует. Подавлен-

но оглянувшись по сторонам, Такута вдруг заметил на столе уже чуть запылившуюся книгу, подаренную родителями. Он взял её в руки, чтобы хоть немного отвлечься от переполняющей его обиды, и перелистнул первую страницу.

«Всё в мире взаимосвязано. Солнце сменяется луной, реки впадают в моря, деревья колышутся на ветру, а птицы парят в небесах. И всё подчиняется мудрым и разумным законам Двенадцати, охраняющих мир от зла и опасностей. Но есть на свете вещи, когда-то давно ускользнувшие от их внимательного взора. Таинственные, удивительные вещи, происходящие вдали от человеческих глаз, вдали от привычного нам. И прикоснуться к тому, что скрыто в тени, почти невозможно, ведь чудеса на то и чудеса, чтобы слугаться в мгновение и тут же исчезать, не давая даже самым пытливым умам разглядеть их поближе. Но, если вы читаете эту книгу, то вы наверняка не из тех, кто привык оставлять вопросы без ответа. А ищущий всегда заслуживает найти...»

В следующие недели Такута с головой ушёл в чтение. Мальчика невозможно было оторвать от книги, и порой матери приходилось прикрикнуть на него, чтобы он хотя бы

вышел к ужину. Но родителям приятно было видеть, что сын всё же заинтересовался чтением. Чем больше Такута погружался в изучение Серой Мифологии, тем больше он удивлялся многообразию мира. И пожалуй, самой важной мыслью, которую он извлёк, было то, что всё в мире действительно взаимосвязано. Что всё бытие пропитано чем-то таким, что вплетает в ежедневную рутину немислимые вещи. Все те создания, о которых он читал, всё ещё оставались частью мифологии, и Такута знал, что не стоит безоговорочно принимать всё описанное на веру. Но он вдруг начал чувствовать, что принадлежит к чему-то большому — к тому, чего никто никогда не видел. Но оно все-таки действительно существует — пусть даже на страницах книги и в его голове. И ему наконец-то удалось принять ту мысль, которую его родители так старательно старались взрастить в нём: может, он и был чужим в огромном мире, но всё же он был по-своему особенным.

Ближе к концу книги Такута заметил, что заметки стали всё более короткими и будто скомканными, а некоторые из них и вовсе обрывались на половине. Наконец, дочитав последнюю статью, написанную весьма небрежным языком, мальчик развернул потрёпанный листок, сложенный в несколько раз и вложенный в край задней обложки.

«Прости, дорогой читатель, что вынужден прерваться на полуслове. Знаю, что ты пришёл за историями, которые я тщательно собирал в этой книге несколько лет, но сейчас в этом больше нет смысла. Последнюю историю я расскажу о своём сыне Онге, для которого я изначально и затеял всё это. Он тоже мог бы попасть на страницы этой книги, но я до последнего не решался о нём написать

Сначала мы думали, что у Онги очень богатая фантазия, потому что он всегда выдумывал себе игры, где представлял себя в десятках разных ролей. Но с каждым днём это становилось всё более странным: у него вдруг начинал меняться голос, а герои его фантазий становились всё менее предсказуемыми. Например, однажды он почти целый день провёл в «образе» полубезумной старухи. Наконец-то я заподозрил неладное в тот момент, когда услышал из уст сына голос своего отца, ушедшего в огонь пятнадцать лет назад. И я был уверен — он говорит со мной. Поняв, что Онга обладает столь странной способностью, мы с женой поначалу испугались, но я решил не сдаваться. Мой опыт многолетнего изучения истории сыграл мне на руку, и тогда я взялся за эту книгу. Отгасти для того, чтобы

выяснить природу необычных явлений в мире, а отчасти — чтобы мой сын понимал, что он не один. Моему удивлению и радости не было предела, когда я обнаружил несколько древних свитков о Серой Мифологии! Именно с их перевода началась эта книга.

Я уже почти привык к «лицам», то и дело заменяющим настоящего Онгу на несколько минут или часов, и даже стал время от времени беседовать с ними. Однажды среди них мне встретилась женщина, чьи слова я не мог до конца разобрать — она почти полностью говорила на Первом Азыке. Но она отчаянно просила помочь ей найти «дом». Где он должен располагаться, она не уточнила — лишь без конца повторяла, что таким, как она, нужно обязательно возвращаться. И сказала, что и мальчик должен однажды вернуться. После её исчезновения мой сын тоже начал проситься домой. Он никогда не отвечал на вопросы об этом — лишь смотрел себе под ноги и плакал, снова и снова умоляя отвести его туда. Я не знал, как ему помочь, и это меня убивало.

Вчера Онги не стало. Прогуливаясь по городу, мы с женой не уследили, как его снова настигло перевоплощение. С безумным криком он

схватили нож с примавка торговца рыбой и набросился на женщину, проходившую мимо. Она скончалась от ранения в живот. Она с удивительным для ребёнка проворством успел покалечить ещё нескольких человек, ловко ускользая от моих попыток остановить его. Мне почти удалось его догнать, как подоспевший гвардеец... застрелил моего сына.

Она умер у меня на руках. Я знаю, что он не хотел этого. Видел, как его глазами смотрел кто-то другой. Но погибли люди. И этого не изменить. Мне больно писать об этом, но если я не могу закончить эту книгу, то хотя бы оставлю здесь эту историю. Мой сын был чудесным ребёнком, никому не желавшим зла. Искренним, добрым и улыбающимся. Мне невыносимо было видеть его плачущим. Мне кажется, что я подвёл его — не разгадал, куда он так сильно стремился, и не сумел помочь ему ужиться с его особенностью. Я начал эту книгу в надежде найти ответы, но мне это не удалось. И я прошу прощения у тех, в чьи руки она попадёт.

Надеюсь, тебе, мой дорогой читатель, удастся меня понять. Завтра я провожаю Онгу в огонь, а после буду учиться жить в мире

без него. Надеюсь, что мои записи смогут хоть кому-то помочь, а может, даже подтолкнуть к продолжению моего дела и новым открытиям.

И, если вдруг эти страницы окажутся в руках кого-то, похожего на моего сына, я хочу сказать тебе две вещи. Первая: не теряй надежды узнать ответы, какими бы недостижимыми они ни казались. Не повторяй моих ошибок: изугай, думай, ищи. Кто-то обязательно укажет тебе дорогу. А вторая... пожалуйста, не забывай, что ты не один».



Со временем прочитанное постепенно стиралось из памяти, и Такута всё больше возвращался к обычной жизни, пусть и не совсем обычного мальчика. Жажда знаний о чудесах в нём не уснула, но найти что-то о них в обыкновенных библиотеках было почти невозможно. С каждым разом Такута всё больше убеждался в тщетности попыток узнать хоть что-то, что поможет ему понять свою природу.

Взрослея и воспитывая в себе страсть к познанию не только собственной, но и человеческой природы в целом, Такута вдруг открыл в себе мечту стать врачом. Но благодаря его особенности она рассыпалась на кусочки день

ото дня. Слишком велик был риск случайно прикоснуться к живому человеку. Однако выход нашёлся сам собой — однажды юный Такута с порога заявил родителям, что решил стать тейна матэ. С Первого Языка это переводится как «брат смерти» и означает ту самую «благородную» профессию, на которую решаются только весьма специфические личности. Конечно, в ней тоже была доля риска, ведь если подумать — кто знает, что будет, если он вдруг точно так же коснётся мертвеца? Но всё же мертвецы были более предсказуемы, а когда копаешься в чьих-то внутренностях, то сложно случайно забыть о перчатках.

Более того, эта работа заключалась не только в рядовом бальзамировании и приготовлении тел к церемонии прощального сожжения. Тейна матэ много времени проводили в лабораториях, изучая истории болезни, допытываясь до причин смерти пациентов и используя результаты вскрытий для фармацевтических экспериментов. Именно многолетние опыты тейна матэ позволили человечеству вывести идеальный бальзамический раствор, создать обеззараживающую лиловую мазь, составить современные анатомические атласы и привнести в мир много других полезных открытий. Так что для ребёнка, горящего медициной, это была своеобразная сделка, позволившая мальчику всё-таки вступить в столь желанный мир, но оградить себя от постоянного контакта с людьми.



В тридцать лет Такута впервые вошёл в ворота Мары — крупного города на юго-западной границе. Мара радикально отличалась от Тэйчи, где он родился и провёл юность, впечатляя своим размахом, а также славясь одной из лучших академий во всей Охайе, что не могло не привлечь внимания пытливого молодого человека. Он шагал по улицам, с любопытством рассматривая дома вокруг. Вокруг витали неведомые прежде запахи эля, абрикосов и каких-то незнакомых цветов. Даже манера говорить у людей здесь была другой! И тейна матэ, пусть и имевшему за плечами уже с десятков лет старательной работы, но всё же молодому и полному надежд, нравилось познавать свой новый дом.

Конечно, в нём всё ещё таилась печаль от недавней смерти родителей. Отец ушёл через полгода после матери, заставив дом окончательно опустеть. Но как бы цинично это ни звучало, Такута смог наконец-то вздохнуть полной грудью, обретя свободу от попыток вечно оправдать чьи-то ожидания. Ему было невыносимо видеть, как родители мечтали о том, что их сын найдёт себе красавицу жену, обзаведётся своим клочком земли и заживёт как порядочный городской житель, выводящий своих розовощёких детишек погулять

на площади в день Ярмарки Урожая. В глубине души ему эта затея не казалась неправильной или дурной — просто в этой роли Такута себя совершенно не представлял. Он так привык к одиночеству, что совсем не испытывал от него неудобств. Да и его призвание всё же накладывало свой отпечаток, лишь сильнее замыкая молодого человека в себе: проспав полдня после ночной смены и в очередной раз запустив руки в чью-то грудную клетку, не сильно хочется прогуливаться среди цветущих яблочных деревьев или задорно хохотать за кружкой эля в таверне, гудящей от музыки и человеческих голосов. Зато снова погрузиться в шорох страниц очередной редкой книги, выторгованной у продавца из местной лавки за непозволительно высокую сумму, всегда грело душу. Такута никогда не позволял себе перестать размышлять и познавать, потерять эту золотую ниточку сознания, ведущую его во тьме, позволяющую даже в самые печальные дни чувствовать себя целостным и чем-то гореть.

Было бы несправедливо сказать, что Такута прибыл в Мару, только чтобы подзаработать. На самом деле он грезил этим городом уже многие годы: с тех пор как до востока донеслась весть о таинственном существе, обитающем в пещерах у реки. По легенде, около десяти лет назад молодой пастух вошёл в одну из

пещер в поисках своего пса, потерявшегося во время прогулки, и больше не вернулся. Никто не знает, пробудил ли он чудовище своей неосторожностью или же ему просто не повезло попасть в тщательно подготовленную ловушку монстра...

Вслед за пастухом отправилась группа хорошо подготовленных гвардейцев, но лишь один из них смог доползти обратно до города, истекая кровью. Прежде чем испустить дух, он поведал об ужасном звере, жесточайшим образом расправляющемся с любым, кто посмел его потревожить. Среди местных его прозвали Рэйра, что с Первого Языка переводится как «оно», и каждый житель города невольно содрогался, услышав имя чудовища.

И тогда на сцену вышел некто, называющий себя капитаном Ри. В союзе с городскими властями он объявил награду в три тысячи золотых за голову Рэйры, а затем начал собирать вокруг себя Охотников — гильдию воинов, принимавшую всех желающих встать на защиту города и попытать свои силы в борьбе с монстром. Сначала она состояла из нескольких бывших гвардейцев, но такие серьёзные деньги привлекали всё больше людей, поэтому добровольцы продолжали приходить к Охотникам даже спустя годы, и каждый из них самоотверженно верил, что именно ему удастся победить чудовище. За десять лет награда вы-

росла до тридцати тысяч золотых, а капитан Ри возглавил не одну вылазку в логово Рэйры. Все они были заведомо провальными и стоили сотен жизней, но каким-то чудесным образом капитан смог построить идею священной борьбы со злом, которая привлекала не только самонадеянных молодых воинов, живущих на улицах Мары, но и авантюристов из других городов. Стоит отметить, что, несмотря на огромное количество жертв, логово Охотников приносило и пользу: прежде чем получить разрешение на участие в рейде, каждый из них должен был посвятить хотя бы год упорным тренировкам, в совершенстве освоить владение мечом, развивать свою силу, ловкость и проворство. А чтобы компенсировать затраты на своё обучение, добровольцы активно участвовали в жизни города, помогая поддерживать порядок на улицах и выполняя общественно полезную работу за сравнительно небольшое жалованье. Впрочем, его хватало на безбедную жизнь в Охотничьем особняке. Гильдия быстро завоевала уважение жителей Мары и заметно улучшила жизнь города, сделав его живее и привлекательнее для приезжих и самих горожан. Каждый был рад понаблюдать за тренировкой грациозных воинов, нанять к себе на работу нескольких из них и, конечно, отдать часть своего заработка на щедрое пожертвование во благо своих защитников. Хотя в этом не было особой нужды, учитывая, что капитан Ри

прежде служил в гвардии, а потому Охотники сразу же оказались под крылом королевского двора. А где двор, там и средства на содержание элитных воинов и поднятие боевого духа во всём королевстве. Власти всегда выгодно, когда люди чем-то заняты, — пусть речь и идёт о самоубийственных миссиях... В любом случае это приносит золото и отвлекает от праздности и мятежей. Чем не народная забава?

Но, возвращаясь к Такуте, можно догадаться, как сильно его впечатлило известие, что где-то в мире обнаружили неведомое существо. Конечно, о его природе было ничего толком не известно, и монстр мог оказаться лишь крупным одичавшим животным. Но столько лет без устали сражаться с лучшими воинами, без особых усилий справляясь с ними... Кто же оно на самом деле? Откуда оно появилось?

Такута отчаянно не понимал, почему Охотники так одержимы идеей убийства Рэйры, вместо того чтобы попытаться его изучить. Неужели их не одолевали вопросы, лишившие его сна на много ночей вперёд?

Также он никак не мог выгнать из головы навязчивые воспоминания о прочитанной когда-то книге.

«Не теряй надежды узнать ответы, какими бы недостижимыми они ни казались...»

Но ведь глупо было бы полагать, что у Такуты есть что-то общее с этой тварью? Или не так уж и глупо?..

В любом случае Такуте не понадобилось много времени на раздумья после смерти родителей: большой город, таящий в себе мрачные тайны о чудовище и несущий веяние самой смерти, висящее над ним благодаря чересчур самонадеянным искателям приключений (а значит, сулящее немалые деньги для тейна матэ). Ну что может быть лучше?



Трактиры Мары очень впечатлили Такуту, привыкшего к молчаливому уединению. Звук цимбал сливался с задорно голосящей скрипкой и ритмичными ударами в большой барабан джембе, создавая неповторимую и проникающую в самое сердце музыку. Конечно, ко вкусу пшеничного эля тейна матэ привыкнуть так и не смог, но в каждый Пятый стабильно присаживался на большие мягкие подушки в углу зала и сосредоточенно смаковал терпкий напиток, наблюдая за людьми вокруг. Это и было его главной целью, заставлявшей его хоть иногда через силу выбираться в свет: в Маре у него была возможность начать всё сначала. Здесь никто не видел в нём чудовище, и люди на улицах непривычно улыбались

ему, даже несмотря на шрамы, покрывающие добрую половину его лица. Такута вообще не отличался красотой: из-за густых бровей он всегда выглядел хмурым, а впалые скулы с быстро отрастающей щетиной только добавляли мужчине безрадостного вида. Тонкие губы и угловатый подбородок сочетались с широким носом с ярко выраженной горбинкой, а сгорбленная спина и вечно растрёпанные волосы делали его похожим на городского сумасшедшего. Заляпанный невесть чем халат прекрасно дополнял и без того отталкивающий образ.

— Могу я присоединиться? — криво улыбнулся Такута, подсаживаясь за стол, где сидели несколько крепких молодых парней в компании бородатого мужчины лет сорока.

— Падай! — улыбнулся тот, похлопав по ковру, на котором расположилась вся компания. Перед ними стояли бесчисленные тарелки с ароматными закусками, а в прозрачном графине чернело густое насыщенное вино.

— Я тебя раньше не видел, да? — Бородач взгляделся в лицо нового знакомого.

— Я здесь недавно. — Такута почесал в затылке.

— И как тебе Мара? — спросил один из парней, сидевших напротив. — Мрачное местечко, не правда ли?

— Да не такое уж и мрачное! Особенно учитывая специфику моей работы...

— А ты кем будешь?

— Тейна матэ, — скромно ответил Такута.

— Ну ничего себе, — снова вмешался бородатый мужчина, — тогда ты действительно по адресу. В Маре к смерти относятся серьёзно.

— Я заметил, — ответил Такута, — конечно, непривычно немного, всё же на востоке мы привыкли ко всему относиться с долей иронии.

— Какая же тут может быть ирония? — удивились присутствующие.

— Мне кажется, во всём, что происходит, есть какая-то ирония, — пожал плечами Такута, — может, дело в неизбежности. Разве это не лучший способ принять то, на что не можешь повлиять?

— Ну ты и странный, — хмыкнул бородач, — кстати, я не представился. Капитан Ри. — Он протянул руку Такуте.

— Наслышан. — Такута протянул руку в ответ. — Такута Хайо. Рад познакомиться.

— Вот видите, парни, опять обо мне кто-то наслышан! Чего только не растреплют...

— Да нет, я много слышал о вашем деле. Это... интересно.

— Это точно, — рассмеялся один из парней, — а ты вступай к нам, так вообще закачаешься!

— Из меня плохой воин, — натянуто улыбнулся Такута.

— Ох уж эти умники, — фыркнул Ри и осушил свою кружку с вином.

Такута ещё несколько раз пересекался с компанией, заходя в тот же трактир. Новые знакомые узнавали и радушно принимали его — правда, большую часть времени он сидел молча, вникая в разговоры, но почти не вмешиваясь в них. Такута терялся в подобном обществе: с такими людьми у него не было почти ничего общего, и он даже не пытался поднимать темы, на самом деле его волновавшие. Может, это глупо, но он боялся показаться странным занудой, коим отчасти и являлся. Но у него и не было цели завести новых друзей — его скорее интересовала возможность ближе узнать капитана, выведать как можно больше информации об Охотниках и конечно же о Рэйре.

— Послушай, Ри! — Такута наклонился над столом, чтобы перекрычать музыку.

Остальные Охотники как раз отошли потанцевать, и мужчины остались один на один.

— Чего расскажешь, тейна матэ? — с ухмылкой ответил ему капитан.

Признаться, он не показался Такуте приятным человеком. Какой-то он был... будто бы себе на уме. С сияющей улыбкой, но в то

же время ледяным взглядом, смотрящим на других свысока. Всегда находящий способ обратить спор в свою пользу. Такута не очень любил таких людей — они казались ему неискренними и скрытными, и он вряд ли смог бы доверять кому-то подобному. Но он старался подавить свою нарастающую неприязнь, чтобы всё же завести разговор о столь интересной для него теме.

— У меня тут к тебе дело есть.

— Внимательно слушаю. — Капитан сделал глоток эля и немного надменно посмотрел на собеседника.

— Расскажи мне о Рэйре.

— О Рэйре? А чего ты о нём не знаешь? Постоянно же гудят на каждом углу. Особенно эти зазывалы для приезжих, Двенадцать их разбери.

— Да нет, я бы хотел узнать... больше. У тебя ведь наверняка достаточно информации. Я готов заплатить. Только скажи сколько.

— Ну ничего себе ты смелый, — нахмурился Ри, — хотел бы я тебе помочь, вот только золото мне твоё не нужно. Такое за деньги не продаётся.

— Уверен, мы могли бы найти способ договориться...

— Слушай, — сухо начал капитан, — я тебе один раз скажу, и мы больше к этому возвращаться не будем. Не знаю, зачем тебе нужна информация, но получить ты её сможешь

лишь в одном случае: вступай в Охотники, тренируйся как все (а с твоей подготовкой у тебя, похоже, уйдёт пара-тройка лет), а потом уже изучай отчёты и иди сражаться. Только не надейся узнать всё в первую же неделю: тебе придётся доказать свою верность и всё равно в итоге идти в бой. В противном случае можешь попытаться раздобыть информацию сам. Хотя в пещеру отправляйся... но я бы не советовал.

— Не думаю, что когда-нибудь вступил бы в Охотники, — поджал губы Такута.

— Это ещё почему? — Капитан скептически вскинул бровь. — Что-то против имеешь?

— Скорее не понимаю. Как можно столько лет жертвовать людьми и решать проблему насильственным путём, если можно попытаться понять, что это за существо, откуда оно появилось и как ещё с ним можно взаимодействовать.

— Какой ты умный, — прошипел Ри, тоже наклонившись в сторону Такуты, — только вот проблемка: ты не был там и не видел, как эта тварь нанизывала моих людей на свои когти и сжимала их, как гнилые фрукты, что аж кишки по стенам размазывало. — Капитан резко выдохнул и на секунду опустил глаза, но затем снова пристально уставился на собеседника. — Ты ни хрена не знаешь, ЧТО там такое. Как я уже сказал, если ты такой самоуверенный, то отправляйся туда сам, иссле-

дуй, узнавай, да хоть попробуй с ним подружиться, — капитан едко рассмеялся, — только оставь указания, как тебя отправлять в последний путь.

— Я верю, что ты разумный человек, Ри. И что мы однажды найдём способ прийти к компромиссу.

— Капитан Ри, — поправил его бородач и, встав из-за стола, направился к выходу.



Такута провёл в Маре три года своей жизни и ничуть не пожалел. Его умения пришлось как нельзя кстати, и он быстро нашёл работу. Старания вознаграждались вниманием всё более влиятельных наставников, и потому к тридцати трём годам он уже располагал небольшим домом с лабораторией недалеко от восточных окраин. Ему нравилась тишина леса, шумящего прямо в нескольких шагах от дома, и спокойная умиротворённая работа. Никто не кидал на него косых взглядов, не спрашивал, почему он ходит в перчатках в летнюю жару, и не донимал всякими посторонними глупостями. Такута чувствовал, что жители Мары действительно относятся к тейна матэ с большим почтением: если фермеры Тэйчи, где он прежде жил, равнодушно спешили избавиться от тела умершего друга или родственника, то здесь люди приходили

с уважительным смирением, сосредоточенно внимая всему, что им говорят, и соглашаясь на все необходимые для прощания процедуры.

Немудрено, что в такой обстановке жителям города сложно было относиться к смерти так же, как и остальные. В Маре она была слишком частым гостем, и далеко не каждый получал возможность быть упокоенным по-человечески, а не закончить свои дни в грязной холодной пещере, из которой нет пути назад. Если член чьей-то семьи решал вступить в Охотники, это было одновременно великой гордостью и трауром для всего дома, ведь с наивысшей вероятностью это становилось последним решением в его жизни. И потому умершие отправлялись в последний путь со всеми почестями, будто бы их близкие старались заглушить мрачное дыхание самой смерти, уже много лет раздающееся над городом.

Множество Охотников, лица которых то и дело мелькали на улицах, оказывались в итоге на столах местных тейна матэ, где они имели возможность рассмотреть их изуродованные тела. Кроме множественных переломов и кровоточащих ран, грудные клетки жертв были пробиты или разорваны, а лица исполосованы в мясо бороздами огромных когтей. Так странно было на протяжении года видеть

молодых и бесстрашных людей, за один день превращавшихся в очередное тело, готовое к вскрытию, бальзамированию и сожжению по стандартной цене. Что примечательно, к самому Такуте эти несчастные мальчишки не попадали. Он подозревал, что во всём виновато его неудачное знакомство с капитаном Ри, и ужасно злился из-за этого. Его раздражало то, что единственная тропинка, способная привести его к разгадке тайны, так сильно заботившей его, вела к абсолютно бесчестному и лишённому всякого понимания человеку. Впрочем, Такута и себя осуждал за недостаточные навыки дипломатии. Может, будь он более подкованным в общении, он бы смог вытянуть из капитана хоть что-то, играя по его правилам. Но сделанного было не изменить, а потому Такута по возможности оградил себя от Охотников, стараясь лишний раз не пересекаться с ними и капитаном, и постарался сосредоточиться на работе.



— Доброе утро, тейна Такута!

— Доброе, Сэми, — небрежно бросил тейна матэ, раскачиваясь на стуле с кружкой земляного чая. Он до сих пор не мог до конца привыкнуть к присутствию Сэма, хотя того приставили к нему уже добрых полгода назад. Однако как только этот юнец появился в его малень-

ком доме, Такута почувствовал, что жизнь стала гораздо более наполненной, хотя поначалу и относился к этой затее скептически. Он никогда не мог представить, что сможет взять кого-то на обучение, хотя и в собственном доме с лабораторией в Маре он себя тоже не особо представлял. Такута вообще не был склонен строить каких-то представлений о будущем. Его особенность приучила его к мысли, что любой план или мечта может сорваться по совершенно нелепой причине.

Раньше тейна матэ злился, что ученика к нему приставили практически насильно, но вскоре привык и начал находить в этом свои плюсы. В конце концов он быстро отказался от попыток социализироваться, поэтому ещё сильнее замкнулся в себе. Сэм же слегка расшевелил его рутинные будни и отчуждение, хоть и был чрезмерно назойлив и сомнительно компетентен.

Поначалу было сложно — ведь с момента смерти отца Такута три года прожил один. Несмотря на необходимость общаться с другими тейна матэ и клиентами, он не спешил заводить близких знакомств. Слишком уж привык отдаляться ото всех, лишь бы по случайности не коснуться никого своей проклятой рукой и не увидеть этого ужаса в глазах, не подвергнуть себя и кого-то другого опасности. Хотя

у него всё же был один близкий человек: спустя несколько месяцев в Маре он познакомился с Тэми — талантливейшим биологом из местной Академии. Она специализировалась на физиологии человека и животных, была известна благодаря огромному вкладу в составлении Общего Бестиария Охайи, а также как горячо любимый студентами преподаватель. Они с Такутой быстро сошлись, случайно познакомившись на открытой лекции о кровообращении, впоследствии обнаружив сотни общих тем для разговоров. Хотя виделись они нечасто, потому что оба были буквально заложниками своей работы. Но Такуту это скорее привлекало, нежели расстраивало, — он ценил в людях именно увлечённость и энтузиазм, а не умение быть социально «удобным». Поэтому он всегда был рад видеть Тэми и провести с ней несколько часов в библиотеке или чайной за приятным разговором, часто оставлявшим после себя невероятное количество пищи для размышлений. Именно Тэми первой узнала об особенностях Такуты и совершенно спокойно её приняла. Иметь такого друга, как она, уже было для него большой удачей, и он вполне довольствовался редкими моментами их общения.

Сэм же поселился в его доме чуть позже, добросовестно ассистируя Такуте в процессах, не требующих большого ума. Правда, он не от-

личался не только умом, но и обязательностью, и хорошей репутацией... Сэми был двадцатилетним черноволосым парнем из хорошей семьи из верхнего города. Но на первом же году обучения в Академии с грохотом провалил экзамены и вылетел оттуда быстрее, чем успел произнести фразу «впечатляющее кровопускание». Кто же знал, что у людей в теле располагаются эти чёртовы артерии?! Явно не будущий врач... Однако ему повезло, что его отец обладал кое-каким влиянием и смог убедить Академию дать своему нерадивому сыну второй шанс. Но условие было поставлено чётко: к живым Сэма подпускать запрещалось. Помимо профессиональной непутёвости, мальчишка, несмотря на юный возраст, успел наломать много дров в других областях. Например, ещё во время учёбы вступил в Соппротивление — маленькую и весьма сомнительную революционную организацию, имевшую очень дурную славу. Хотя этому Такута не препятствовал. Ему достаточно было договора со своим подопечным: Такута не вмешивается в дела Сэма, а Сэм его в них не посвящает и держится подалеже от дома, когда в очередной раз влипает в неприятности. Наверное, глупо было подвергать и свою репутацию опасности, связавшись с этим малолетним бунтарём, но Такуте важнее было вырастить достойного профессионала, а уж личная жизнь парня не входила в сферу его интересов.

Когда привыкаешь к одиночеству, нелегко постоянно чувствовать рядом присутствие другого человека, но скоро Такута начал замечать, что Сэм делает его жизнь если не лучше, то уж точно веселее. Иногда Такута диву давался, как этот неповоротливый суетливый дурак до сих пор ни обо что не убился, и на всякий случай не подпускал его к алхимическому столу. Поначалу тейна матэ не мог подавить раздражение и вообще сомневался, что из Сэма что-то получится, но в какой-то момент осознал всю прелесть возможности скинуть скучную бумажную работу, а также рутинные гигиенические ритуалы с телами на кого-то другого. А Сэм, несмотря на недосып и отвращение, работал в поте лица и боготворил своё дело и Такуту за возможность хоть чему-то научиться. Может, со стороны он и казался идиотом без целей в жизни (и Такута иногда убеждался, что это в какой-то степени так), но с каждым днём становилось заметно, как Сэм всё больше интересуется тем, что делает, и как он рад возможности наконец-то отмыть свой образ вечного позора семьи и посвятить себя чему-то хорошему.

— Ну давай. — Такута оперся на прохладную подвальную стену, мусоля губами незажжённую сигарету. Он приобрёл эту дурную привычку пару лет назад, но она его здорово спасала. После дня, проведённого в тесных

помещениях, пропитанных едкими запахами бальзамирующего раствора, выйти на свежий воздух и вдохнуть густой травянистый дым — одно из лучших ощущений на свете. Во время работы же Такута просто зажимал между зубами хирургически аккуратную самокрутку, смакуя её горький растительный привкус.

Сэм с энтузиазмом схватил лезвие из металлического ящичка, стоявшего на столе, и бросился к телу старого рыбака, которого привезли сыновья вчерашним вечером.

— Сэм, — флегматично протянул Такута.

— А? — парень застыл посреди подвала с озадаченным лицом.

— Во-первых, это грязные лезвия. — После этих слов Сэм попятился назад и со смущённым видом бросил лезвие обратно. — А во-вторых, ты ничего не забыл?

— Ой, — растерянно пробормотал парень и начал неловко оглядываться по сторонам.

— Это ищешь? — Такута протянул ему дощечку с закреплёнными на ней листами плотной рисовой бумаги.

— «Утопленник»? Тейна Такута, вы бы хоть имя его написали!

— Это твоя работа, дорогой, — едко усмехнулся Такута, поймав осуждающий взгляд Сэма. Парень до сих пор воспринимал работу слишком близко к сердцу, в то время как Такута уже привык видеть в своих «пациентах» нечто

иное, нежели личность, которой они когда-то были.

— Ну хорошо, — Сэм начал сосредоточенно что-то записывать, — мужчина, пятьдесят семь лет, телосложение среднее. Причина смерти — утопление. Время смерти...

— Погоди минутку. — Такута подошёл к столу и коснулся рукой большого тёмного пятна на колене старика. — Видишь?

— Эээ... — задумчиво протянул Сэм, — характерные следы утопления на коленях и кистях рук! — выпалил он с довольной улыбкой, будто бы ответил на каверзный вопрос посреди экзамена.

— Верно, но обрати внимание, — Такута резко одёрнул руку и кивнул в направлении пятна, — они не исчезают. Он умер больше суток назад.

— Хорошо, значит, время смерти...

— И более того, — вновь перебил его Такута, — какого они цвета?

— Коричневые...

— А какого цвета пятна на утопленниках?

— Розоватые с синеватым оттенком, — промямлил Сэм так, словно уже не был так уверен в своих заученных на зубок знаниях.

— А что это значит? — усмехнулся Такута. — Правильно, Сэми. Нашему другу кто-то помог. И этот кто-то явно знает толк в хороших соляных ядах.

Сэм бросился записывать услышанное, как вдруг сверху донёлся звук колокольчика у двери.

— Пиши, я открою, — успокоил подопечного Такута и, быстро, но тщательно отмыв руки, бросил на стол рабочие перчатки и поднялся по лестнице, покинув холодный подвал.

Распахнув дверь, он замер в проходе, на мгновение потеряв дар речи. Перед ним стоял не кто иной, как знаменитый капитан Ри. Такута невольно скривил недовольную гримасу. Он никогда не был рад лишний раз видеть этого человека. Однако сейчас капитан не выглядел тем привычным слишком громко и неприятно смеющимся Ри. Сейчас он тяжело дышал, его лицо было грязным и бледным, а на руках его покоилось изуродованное тело, завёрнутое в его пропитанный кровью плащ. Учитывая то, что Ри соизволил сам посетить Такуту, а не по обыкновению отправить тела, которые удалось вытащить из логова зверя, кому угодно другому, ситуация явно приняла более серьёзный оборот. Ри смотрел на Такуту, по-видимому, силясь что-то сказать, но его губы могли только нервно подрагивать и кривиться, не в силах произнести ни слова.

Такута тряхнул головой и первым начал разговор:

— О, я и забыл, что вчера был день рейда, — сдавленно проговорил он, — почему же именно я наконец-то удостоился чести принимать твоих ребят?

Ри ничего ему не ответил, лишь посмотрел Такуте прямо в глаза холодным взглядом со смесью отчаяния и гнева.

— Ладно, не важно. Заноси.

Такута обошёл вокруг стола, то и дело бросая задумчивый взгляд на тело. В этот раз всё обернулось совсем иначе: перед ним лежала девушка, облачённая в кожаные доспехи. Она была совсем молодой — на вид не больше двадцати лет. Её грудная клетка была пробита насквозь в нескольких местах, и даже у привыкшего к смерти Такуты от этого зрелища сжималось сердце. Хоронить молодых особенно сложно, и именно поэтому он всегда старался абстрагироваться от своих «пациентов», воспринимая тело исключительно телом, но отчего-то в этот раз ему никак не удавалось этого сделать. Они с Сэмом усадили девушку на стол, пытаясь совладать с непокорными деревенеющими конечностями, и с трудом освободили её от доспехов. Те никак не хотели поддаваться — покойников вообще тяжело раздевать: их обмякшие или, наоборот, окоченевшие тела то и дело норовят выскользнуть из рук или принять максимально неудобную позу, а здесь задача усложнялась в несколько раз. Ведь даже

живого человека облачить в доспехи — задача не из лёгких. А стащить подроспешную кольчугу с мертвеца — мучение, которого врагу не пожелаешь. Спустя почти час стараний тело девушки наконец-то расположилось на столе, не обременённое лишними деталями. Она была достаточно красивой: с ровной загорелой кожей и густыми каштановыми волосами, едва достававшими до плеч. Когда-то, вероятнее всего, она могла похвастаться точёной фигуркой, но сломанная в нескольких местах нога, выбитая из бедренного сустава, и перепачканная тёмной кровью грудь несколько смазывали полную картину.

— Это уже слишком даже для Ри, — сдавленно прошипел Такута, проведя перчаткой по её забрызганному кровью плечу, — сколько ей? Семнадцать?

— Интересно, на что она вообще надеялась... — тихо поддержал его Сэм.

— Они все надеются на одно и то же. Отмой тело, будь добр, — бросил ему Такута и взбежал по лестнице, выскочив на улицу. Раннее осеннее солнце уже поднялось над деревьями и приятно согревало кожу. Такута присел на траву, опершись спиной о деревянную стену дома, и закурил, протянув вторую сигарету Ри, сидевшему так, по-видимому, уже больше часа и смотрящему в пустоту.

— Ей было восемнадцать, — хрипло нарушил повисшую тишину капитан.

— Хм, — Такута всеми силами старался унять своего внутреннего скептика и проявить хоть каплю сочувствия, — не лучший возраст для самоубийственных поступков, правда?

— Она это не ради денег, — сдавленно продолжил Ри, — не ради золота. Я знаю.

— В таком случае это было вдвойне глупо, — выдохнул терпкий дым Такута.

Капитан промолчал и сделал несколько глубоких затяжек.

— Знаешь, почему я пришёл именно к тебе?

— Честно говоря, понятия не имею, — пожал плечами Такута.

— Вообще-то я не собирался, — горько улыбнулся Ри, — но мне нужна твоя помощь.

— Я догадался, судя по внесённой предоплате...

— Другая помощь, тейна матэ. — Он сделал небольшую паузу, а затем продолжил, глядя куда-то в небо: — По городу ходят слухи о твоих... «способностях». — Капитан всеми силами старался не подать виду, что сам наводил справки о странном пришельце с востока. — И мне они нужны.

— Ну прекрасно, — огрызнулся Такута, — к сожалению или к счастью, но поделиться я ими не могу. Поэтому полагаю, что разговор окончен.

— Я щедро заплачу. Мне нужно, чтобы ты заглянул в её прошлое...

Такута усмехнулся. Его посетило ощущение, что он уже где-то слышал точь-в-точь похожий разговор. Ему даже хотелось съязвить на эту тему, но он всё ещё пытался не терять образ приличного человека. Хотя и сам не понимал, для чего именно.

— Послушай, капитан. Если бы я хотел подсматривать за жизнью мертвецов, я бы не носил этих перчаток. Я не пользовался своими способностями уже много лет и не планирую. Свою основную работу я делаю исправно и обещаю сделать её в срок. В остальном вынужден отказать тебе. Без обид.

Капитан поднялся на ноги и присел на корточки перед Такутой, которому стало не по себе от пристального взгляда почти что на уровне лица. Широкие мощные скулы капитана, поросшие короткой бородой, чуть заметно подрагивали, а полные губы побелели от напряжения. Затем Такута увидел, как на землю опустился кожаный мешочек, плотно набитый золотом.

— Это предоплата. Ни к чему не обязывающая. Но я прошу тебя подумать. Нет, я молю тебя подумать, тейна матэ. — Он снова замолчал, будто сдерживая ком, подступавший к горлу, и одновременно пытаясь сохранить хладнокровный вид и не показывать, в каком уязвимом положении находится и как его это злит. Затем он поднялся на ноги и, остро взглянув на Такуту, проговорил на прощание: —

Она правда была особенной. Ты бы это сразу понял. И если вдруг решишься... вот адрес таверны, где я остановился.

Такуту распирал удивительно сильный коктейль из чувств и эмоций, как будто Ри задел в нём что-то очень важное. Вокруг этой девчонки действительно витало много вопросов. Почему она пошла на это? Почему Ри это допустил? Как такая молодая и хрупкая особа умудрилась вообще оказаться среди Охотников? А самое главное — она видела Рэйру своими глазами. Смотрела на неё в свои последние секунды. Такута впервые был так близок к человеку, который знал о чудовище больше, чем он мог себе представить.

Тейна матэ поймал себя на мысли, что ощущает это ранее неведомое желание — он хотел прикоснуться к этой девушке, почувствовать её кожу под своими пальцами, увидеть то, что видела она. Понять, что привело её туда, и заглянуть в лицо смерти, не отпускающей этот несчастный город из своих когтистых лап. Сейчас перед ним открывалась возможность взглянуть на столь манящую тайну — пройти путь Охотника, оценить Рэйру, смотря на него в упор. Сколько ответов могло бы родиться из одного лишь взгляда! Проблема была лишь в том, что задержи он этот взгляд на секунду дольше положенного, и его неминуемо ждёт смерть, равно как и его

«пациентку», которая уже никому не расскажет, что она видела.

— Тэко! — выругался Такута. Он затушил сигарету, влетел в дом и, накинув сумку на плечо, окликнул Сэма. Попрощавшись, он выбежал на дорогу и быстрым шагом двинулся в сторону Академии.

Сейчас ему было просто жизненно необходимо поговорить с Тэми.



— О, тейна Такута, — улыбнулась женщина, подняв голову над письменным столом с кипой бумаг, когда Такута переступил порог её кабинета.

— Хинэ Тэми, — намеренно галантно парировал он, — и вам доброго дня.

Тэми была старше его примерно на пять лет и не принадлежала к тем женщинам, которые сразу бросаются в глаза, приковывая к себе взгляд окружающих. Слегка сутулая, с широкими бёдрами, жёсткими чертами лица и колюче честным взглядом. На фоне молодых стройных студенток, вечно крутившихся вокруг неё, она порой совсем терялась. Но те, кто проводил с ней хотя бы полчаса, понимали, сколько внутренней силы скрывается за невзрачной внешностью. Впрочем, Такута с самого начала разглядел в ней особый

шарм и красоту. Когда он впервые сидел в гостиной профессорского крыла в Академии, он то и дело ловил себя на том, что не может оторвать глаз от этой остроумной женщины, взхлёб спорящей с профессором Анэ о строении мышц и время от времени взрывающейся чрезмерно звонким чеканным смехом. Улыбка искажала её лицо, добавляя ему неровностей и морщинок, но в тот момент она казалась прекраснее и живее, чем кто-либо находившийся в комнате.

Несмотря на то что с Тэми Такута нашёл общий язык довольно быстро, общение их было... странным. Оно было похоже на замысловатую игру, и иногда Такута задавался вопросом — понимает ли он её правила или каждый раз выставляет себя дураком. Они провели несчётное количество вечеров в библиотеках и лабораториях, споря и соглашаясь, приходя к выводам, которых даже и вообразить себе не могли, смеясь взхлёб и не разговаривая по несколько дней из-за очередного спора о том, в каких пропорциях лучше смешивать реагенты. И время от времени Такута говорил себе, что прямо перед ним находится восхитительная женщина, близкий друг и талантливейший учёный, и протяни он руку, она бы, может быть, взяла бы её с присущей ей сдержанной, но искренней улыбкой. Но потом он вспоминал о своём

недуге, и все эти мысли моментально рассеивались. Такута вообще не воспринимал себя как объект, который может понравиться женщине, не говоря уже о том, что кто-то мог бы полюбить его. Изуродованное ожогами лицо, потрёпанный халат поверх свободной рубашки, вечный запах сигарет и формалина, вечно небритое сонное лицо и другие издержки напряжённой работы... Не самая приятная глазу картина. Ну и ко всему прочему — абсолютное неумение сблизиться с людьми. Порой из-за неуверенности в себе, а порой из-за отсутствия интереса. Ведь он так и не увидел ни в ком из своих знакомых ту живость ума, жажду знаний, искру, делающую человека по-настоящему живым. Тэми не казалась ему одной из тех серых людей, что он встречал ранее, и в каком-то смысле он видел в ней отражение своих немногих хороших черт.

— Найдётся время поговорить? — спросил Такута слегка подрагивающим голосом, пытаясь не выдать своего взвинченного состояния.

— Я собиралась поработать, — Тэми кивнула головой в сторону самой внушительной стопки бумаг на столе, — завтра у студентов экзамен по костям.

— Экзамен по костям... Ты можешь подобрать ещё более мрачные выражения?

— Не придирайся, — фыркнула она, заправив за ухо короткую прядь тёмных волос, вы-

бившуюся из растрёпанного пучка на затылке, — но мне осталось только чертежи проверить. Думала засесть на ночь, так что компания мне как раз не помешает.

Тэми любила работать в библиотеке, даже если все нужные материалы у неё были при себе. Умиротворённая атмосфера тишины и неярко мерцающих ламп действительно лучше настраивала на рабочий лад. Поэтому Такута часто составлял ей компанию, занимаясь своими отчётами. Ему нравилось такое времяпрепровождение — ты можешь быть рядом с другим человеком, но не говорить с ним на протяжении трёх часов подряд, погружаясь в работу и лишь чувствуя его едва уловимое присутствие. Есть в этом какое-то очарование. И такие моменты ты можешь разделить только с особенными людьми.

— Так о чём ты хотел поговорить? — спросила Тэми, усаживаясь за стол в читальном зале и раскладывая перед собой небрежные студенческие зарисовки человеческого скелета, напоминающие скорее иллюстрации к книге о мифических тёмных ужасах, нежели анатомические материалы.

— Как думаешь, — неуверенно начал Такута, — ты бы согласилась узнать что-то очень важное, зная, что это может стоить тебе жизни?

— Важное? — вскинула бровь Тэми, отрывисто чиркнув пером по бедренному суставу несчастного нарисованного скелета.

— Что-то, что сделает мир понятнее. Для тебя... и не только.

— Думаю, согласилась бы, — сосредоточенно пробормотала Тэми, — ведь в этом и есть призвание учёного, разве нет?

— И тебя не испугала бы угроза твоей жизни?

— Такута, — она подняла на него глаза, — сколько раз ты оказывался на расстоянии вытянутой руки от чумного, заражённого какой-то другой неведомой дрянью или умершего от Двенадцать знают чего? По-твоему, у нас безопасная работа?

— Нет, — задумался он, — хотя я свою выбирал в надежде, что она принесёт куда меньше бед, чем могла бы.

— Твой случай уникален, — Тэми на секунду задумалась, — или ты его и имел в виду? Тейна Такута, ты чего задумал?

— Один человек попросил меня... скажем так, снять перчатки.

Тэми — одна из немногих, кто узнал о недуге Такуты из первых уст. Они редко обсуждали это, и Такута толком не знал, что Тэми думает на эту тему. Иногда он чувствовал себя чудовищем в её глазах и боялся, что может пугать её одним своим существованием, но старался подавлять эти мысли, пока не встретится с прямым их подтверждением.

— И что, ты и вправду их снимешь?

— Я... я не знаю. Почему-то впервые в жизни мне очень хочется это сделать.

— Неужто о такой большой сумме идёт речь? — скептически фыркнула Тэми. Она никогда не питала особой любви к деньгам и даже относилась к ним с некоторым пренебрежением.

— Дело не в деньгах, — опустил глаза Такута, — я могу взглянуть на Рэйру чужими глазами! Всего на мгновение, но... это уже невероятно много для его изучения!

— Ого, — задумалась Тэми, — звучит, конечно, заманчиво. Только не слишком правдоподобно. Как часто ты вообще... делал это?

— Три раза в жизни, — не задумываясь ответил Такута. Такие опыты не забываются, и все увиденные чужими глазами события навсегда отпечатались в его памяти.

— И сколько из них обошлось без жертв?

— Ни одного, — тихо ответил Такута, — после этого, — он указал на обожжённую часть лица, — я едва не лишился руки, коснувшись мальчика, выкапывавшего младшего брата из-под снежного завала. Но и это казалось нелепым совпадением, пока... — он легко прикоснулся рукой к длинному шраму, тянущемуся к грудной клетке из-под рёбер. Даже сквозь одежду он до сих пор будто бы отдавался глухой болью, — пока жизнь не убедила меня в обратном.

— Тогда, думаю, не мне тебе объяснять нелепость твоей затеи, — озабоченно ответила Тэми, — как, впрочем, не мне отговаривать тебя от неё. Могу представить, как тебя влечёт эта история и как важно для тебя приоткрыть завесу этой тайны... Что уж там, каждый учёный мечтает о подобном. Даже я. Ты знаешь, что и меня это никогда не оставляло равнодушной. У тебя есть шанс, тейна Такута. А уж использовать его или нет — решай сам, — устало улыбнулась она, закопавшись в ворох пахнущих пылью и чернилами чертежей.



Решать нужно было быстро. Помимо душевных терзаний Такуты в игру вступал такой немаловажный фактор, как старое доброе трупное разложение. Если не решить вовремя, то природа всё решит за тебя. И через пару дней тело начнёт терять человеческие очертания. Чтобы сохранить его в состоянии, пригодном для изучения, нужно было провести особенно кропотливое бальзамирование, требующее куда больше раствора и работы, чем это бывает в повседневных ситуациях. С одной стороны, Такута уже почти решил, что вся эта затея того не стоит, но почему-то в глубине души его терзала тревога. Он чувствовал, что сейчас у него всё ещё есть выбор, но чуть менее суток спустя его уже не будет. А вдруг такого шанса не представится уже никогда?

— Я на это не пойду, — бормотал он себе под нос, разводя один из бальзамирующих растворов в подвале лаборатории.

Сам не зная почему, он заготовил едва ли не вдвое больше, чем обычно, убеждая себя, что причина лишь в том, что из-за сильных повреждений трупа что-то может пойти не так. Сэм нервно поглядывал на наставника, но не решался что-либо говорить, терпеливо помешивая растворы в ваннах. Начав стерилизовать инструменты, Такута со звоном уронил скальпель на каменный пол.

— Я скоро вернусь, — неожиданно бросил он Сэму и, зажав сигарету в зубах, вскоре исчез в дверях.

— Ри, — сдержанный хриловатый голос донёсся до капитана из темноты дверного проёма, — я бы хотел обсудить твоё предложение.

Капитан вскочил с продавленного дивана в пустующей таверне, будто бы весь день просидел тут в ожидании гостя. Стараясь не показывать волнения, он сопровождал Такуту в едва освещённый холл с липкими столами.

— Мне нужна вся её жизнь, — капитан явно нервничал, сжимая кружку с элем в побелевших от напряжения пальцах, — всё, что ты сможешь увидеть.

— И что, мне потом придётся пересказывать тебе её холодными зимними вечерами?

— Запиши, — продолжил капитан, игнорируя колкую ухмылку тейна матэ, — ты же умеешь составлять отчёты.

— Допустим, — задумался Такута, — но что именно ты хочешь узнать? Ты же понимаешь, что я не могу заглянуть в каждую секунду её жизни. Я этим не управляю.

— Всё, — нервно огляделся капитан, — всё, что сможешь. Только назови цену, и завтра утром деньги будут у тебя.

— Я так понимаю, рассказывать, зачем тебе это, ты не собираешься?

— Ты сам всё поймёшь, тейна матэ. А пока считай, что это закрытая информация.

— Что ж, я думаю, ты помнишь мои неоднократные просьбы в твой адрес. Мне нужна вся отчётность о предыдущих рейдах. И, разумеется, документы по Рэйре. Даже мелкие пометки.

В тишине таверны Такута будто услышал, как капитан недовольно заскрипел зубами, но затем, сделав глубокий вдох, напряжённо кивнул головой.



— Поднимайся. — Сквозь сон Сэм почувствовал стойкий запах травяного дыма, пропитавшего халат наставника. Парень еле разлепил глаза, только недавно сомкнутые после половины ночи, проведённой за подготовкой растворов и инструментов.

— Который час? — сонно прохрипел он, взглядываясь в ещё ночную темноту за окном.

— Нужно поработать. Срочно.

— Тейна Такута, но почему сейчас? У неё ведь даже окоченение не до конца спало, — устало простонал Сэм, открывая плотно затянутые брезентом ванны.

— Друг мой, я подписался на нечто... неординарное, — растерянно проговорил Такута, — теперь это совсем не обычный заказ.

— И что мы будем с ней делать? В карнавальный костюм наряжать?

— Мне нужно заглянуть в её сознание. И это не подразумевает трепанацию черепа.

— Но тейна Такута, — Сэм побледнел, что было заметно даже в жёлтом свете масляных ламп. Парень не сразу понял, что имеет в виду его наставник, но, догадавшись, просто обомлел, — разве вы не зарекались это делать?

— Выхожу из зоны комфорта, — издал нервный смешок Такута, набирая формалиновый раствор в ведро.

К утру Такута уже почти не чувствовал поясницы, которая в первые несколько часов отдавалась резкой ноющей болью от времени, проведенного за операционным столом. Однако он был так сосредоточен, что почти не замечал усталости — в отличие от Сэма, настолько измождённого закачиванием рас-

творя в бедренную артерию, что смотреть на него было попросту страшно. Тем не менее процедура была почти закончена, и Такута уже приступил к сшиванию отверстий в грудной клетке, удачно позволивших ему откачать все полостные жидкости без лишних надрезов. Сейчас тейна матэ чувствовал себя ребёнком, нетерпеливо ждущим отца, который вот-вот вернётся с ярмарки с полной корзиной ароматных пирогов, сахарных леденцов и фруктовых настоев. Внутри разливался давно забытый трепет, который приходилось подавлять, чтобы не дать себе наспех закончить подготовку тела и приступить к самой сложной и важной части процедуры — впервые за много лет снова прикоснуться к человеку без перчаток. Пусть и к мёртвому. Наверное, это какой-то особый вид мазохизма, который Такута ощущал в себе ещё с детства. Есть вещи, которые тебе совсем не удаются — сложные и опасные, но вызывающие у тебя одновременно и страх, и желание поскорее окунуться в них с головой, не представляя, что ждёт тебя на другом конце пути.

— Тейна Такута, что-то мне нехорошо, — тихо пробормотал Сэм, обтирая тело девушки влажной губкой.

— Ты можешь поспать, — ответил Такута, накрывая тело хлопковым полотном, — продолжим после заката.



— Слушай внимательно, — наставлял тейна матэ, пожёвывая уже насквозь промокшую сигарету, — я не знаю, сколько это продлится. И не уверен, смогу ли я подавать какие-то знаки, пока буду... там. Я постараюсь оставаться в сознании, но не думаю, что у меня это получится. Вот, — Такута протянул Сэму дощечку со сшитыми листами, исписанными невероятно корявым и размашистым почерком.

Этот отчёт он заполнял исключительно сам, не упуская ни одной детали, обнаруженной при подготовке тела.

— Записывай всё необычное, что видишь. Что бы я ни сказал, как бы я ни вздрогнул — фиксируй. Если ничего особенного не происходит — делай пометку раз в десять минут.

— А как я смогу понять, если что-то... пойдёт не так? — немного испуганно спросил Сэм.

— Я не знаю, — слотнул Такута, — но думаю, ты поймёшь. Моё тело должно реагировать довольно очевидно. Если будешь уверен, что происходит что-то ужасное, встряхни меня за плечи. Не поможет, — он указал на ведро воды и ковшик у подножия стола, — окати водой.

— А что, если я... не успею?

— Ничего, ты мальчик... кхм... умный, — успокаивал его Такута, сам до конца не веря в успешность своей затеи, — разберёшься.

— Но я...

— Насколько я помню, — перебил его наставник, — как только я очнусь, я могу ещё пару минут быть не совсем в себе. И скорее всего увиденное я буду описывать в виде свободно-го потока сознания. Пиши всё, что услышишь, не упускай ничего. Каждая незначительная деталь важна, даже если звучит как полный бред. Понял?

— Ага, — замялся Сэм, растерянно оглядевшись вокруг.

— И помни — мы выполняем работу, но главное — узнать как можно больше о Рэйре. Если нам удастся получить хоть какую-то информацию о нём, мы продвинем науку на новый уровень, — тяжело выдохнул Такута, будто пытаясь убедить себя, что не зря подписался на эту самоубийственную авантюру.

Тейна матэ подставил стул и откинул простыню с тела девушки, обнажив верхнюю его часть. Сейчас она выглядела гораздо лучше — отмытая от крови и грязи, с порозовевшей от раствора кожей и смиренно прикрытыми глазами, она казалась скорее спящей, нежели мёртвой. Выдавали её смерть лишь четыре глубокие раны на груди, аккуратно зашитые наметанной рукой Такуты. Когда Сэм увидел их впервые, ему стало не по себе — в жизни он не встречал одновременно проникающих и рваных ранений, и ему было сложно представить,

что за существо могло нанести такие жестокие и молниеносные повреждения. Он проводил взглядом наставника, уверенно опустившегося на стул и придвинувшегося к покойнице. Внутри Сэма бушевала тревога — ему хотелось максимально оттянуть этот момент, лишь бы не начинать эту безумную ночь, в которую может произойти что угодно, и, возможно, ему придётся нести за это ответственность. Но Такута стянул перчатку с правой руки и аккуратно опустил её на грудную клетку девушки. Сэми затаил дыхание, обменявшись растерянным взглядом с наставником. Прошло около десяти секунд, однако ничего не происходило, и Сэм заметил, как взгляд тейна матэ панически бежит из стороны в сторону, будто сомневаясь, не допустили ли они где-то ошибку. Вдруг Такута вздрогнул, и его глаза закатились, обнажив розоватые от недосыпа белки. Сэм замешкался, но быстро пришёл в себя и, придвинув к себе часы, сделал на чистой странице первую пометку:

«Осень двадцать. Началось».

Глава 2

МО

— **Д**оброе утро, малышка Мо! — рассмеялся тучный усатый торговец, бросив девушке крупное бледно-зелёное яблоко.

— Опять вы за своё, тейна Хуа! — скромно улыбнулась девушка, остановившись и ловко поймав летящий ей прямо в руки фрукт.

— Самое лучшее для моей маленькой подружки, — подмигнул торговец и вернулся к раскладыванию свежих овощей и фруктов на прилавке.

Мо любила ходить на рынок по утрам — в это время на нём не было так много людей, как это бывает после обеда, и в воздухе стоял лишь приятный негромкий гул разворачивающих свои прилавки торговцев, смешно суетящихся и прикрикивающих на своих помощников. Воздух ещё не успевал пропитаться ароматами рыбной лавки хинэ Ики и сохранял в себе запахи реки и соломы, разложенной

аккуратными угловатыми тюками на продажу у дороги к рыночной площади. Мо нравилась эта атмосфера, хоть она и не скрывала неприязни к ведению хозяйства. Может быть, ей наконец-то удавалось наслаждаться такими моментами потому, что она осознавала, что осталось потерпеть совсем немного.

Нагрузив холщовый рюкзак продуктами, Мо натянула лямки на плечи и вышла с площади. Она направилась в сторону западных улиц, щурясь от поднимающегося над крышами солнца. Семья Мо жила в южной части верхнего города, но вот уже больше четырёх лет, несмотря на тяжёлый груз за спиной, девушка делала внушительный крюк по дороге домой каждые три дня, когда посещала рынок. Дойдя почти до границы верхнего города, она останавливалась у невысокого деревянного ограждения, за которым располагались просторный двор с вытоптанной землёй, трёхэтажный особняк и бесконечное поле, плавно перетекающее в лес. Поставив рюкзак на землю, она опиралась руками на забор и замороженно вглядывалась в силуэты выходящих из здания Охотников, облачённых в тренировочную стёганую броню.

— Мо! — к ограждению подбежал молодой запыхавшийся парень, взмокший от палящего солнца и держащий в руках шлем.

— Не жарко вам, тейна Аро?

— А ты как думаешь? — рассмеялся он.

— Как тренировка?

— Опять по пальцам словил. — Парень показал окровавленные костяшки и скривил нарочито страдальческое лицо.

— Снова на жалость давит, — скептически протянул подошедший к забору высокий и мощный Кэхо, расстёгивая пропитавшуюся потом куртку, — думаешь, такая злока тебя пожалеет?

Мо сама не заметила, как во время своих регулярных визитов сдружилась с Аро и Кэхо — приветливыми друзьями-воинами, которые время от времени подходили поболтать с ней. Они были совсем не похожи друг на друга: Аро — невысокий блондин с широким носом и ртом, вечно растянутым в добродушной улыбке, а Кэхо — огромный полноватый бородач со склонностью к саркастическим подколам и нахмуриванию густых бровей вперемишку с улыбкой одним уголком рта.

— Эй, чего сразу злока?! — возмутилась Мо.

— А то мы не слышали твоих коварных планов по свержению пещерного монстра! — усмехнулся Аро.

— Вы мне ещё торжественную ленту будете на плечо вешать, когда я их воплощу, — вздёрнула нос Мо.

— Если успеешь, — ответил Кэхо, — ты-то небось и не знаешь, что твой дружок через два месяца уже в рейд уходит!

— Что-о-о? — выпучила глаза девушка. — Ты же только недавно пришёл!

— Время быстро летит, — пожал плечами Аро и скромно улыбнулся, — я и сам иногда себя чувствую так, будто вчера вступал в гильдию и попадал себе мечом по голове, а тут оказывается, что уже десять месяцев прошло...

— Аро, мы её теряем, — Кэхо перебил товарища, легонько толкнув его локтём в бок.

Мо и правда отвлеклась от разговора, отсутствующе уставившись куда-то за спины парней.

— Нет, ну серьёзно? Опять? — недоумевающе возмутился Аро.

— Ревнуешь? — съязвил Кэхо.

— Перестаньте, — пришла в себя Мо, опустив глаза, до этого неосознанно прикованные к капитану Ри, отработывавшему с тремя новыми бойцами боевые стойки.

— Староват он для тебя, малышка, — вздохнул Кэхо.

— Какая разница вообще, я этим человеком восхищаюсь как воином, — пробурчала Мо, — и скоро я буду у него учиться!

Она спешно накинула рюкзак на плечи и, раздражённо отвернувшись, зашагала прочь.

— Пока, Мо! — помахал ей вслед Аро, выдавив из себя растерянную улыбку.

Время тянулось невыносимо медленно, и последняя неделя, казалось, длилась уже месяц, а то и два. В субботу Мо должна была отпраздновать свой семнадцатый день рожде-

ния, и каждый раз при мысли об этом её сердце начинало биться быстрее, а к горлу подкапывал тревожный ком. Для неё семнадцатилетие означало не просто переход во взрослую жизнь, но также наконец-то обретенное право присоединиться к Охотникам и начать своё восхождение к вершине, о которой она грезил последние четыре года.

— Привет! — улыбнулся молодой Ри, проводивший осенний вечер за одинокой тренировкой во дворе гильдии. Темноволосая девочка лет двенадцати испуганно огляделась по сторонам, но, совладав с собой, подошла ближе к ограде.

— Добрый вечер... — Она смотрела на капитана исподлобья, лишь изредка поднимая глаза.

— Ты смотрела, как я тренируюсь?

Девочка промолчала, отведя взгляд в сторону, будто чувствовала себя виноватой, что её поймали за подглядыванием.

— Эй! — Капитан положил ладонь на землю и, перегнувшись через невысокий забор, осторожно взял девочку под мышки и посадил на верхнюю перекладину перед собой. — Ты можешь смотреть, если хочешь, — с улыбкой сказал он.

— *А я не буду вам мешать?* — пролепетала она.

— *Конечно нет!* — Он поднял с земли меч и встал в героическую позу. — *А только рад зрителям!*

Девочка рассмеялась и, упершись руками в перекладину замороженно уставившись на размахивающего мечом капитана. Её сердце забилося так, будто вот-вот выскочит из груди. Она просидела час почти неподвижно, пока капитан наконец не вытер вспотевший лоб полотенцем, висевшим на заборе неподалёку, и не подошёл к девочке.

— *Ну что, я справился?* — намеренно наввно спросил он.

— *Д-да...* — неуверенно ответила девочка.

— *Хочешь поддержать?* — Ри кивнул на свой меч, оттого глаза девочки округлились, и она, застав дыхание, робко кивнула. Капитан протянул ей незаточенный дюралевый меч, под которым дрогнули худые маленькие руки, тут же сжав его со всей силой, чтобы капитан вдруг не подумал, что ей это не по плечу.

— *Шейна... воин,* — девочка слегка загнулась, поняв, что не знает имени Охотника, — *а с кем вы будете сражаться?*

— С чудовищем, — заговорищцки подмигнула ей Ри.

— С Рэйрой?!

— С ними самыми, — уверенно отпарентовал капитан.

Девочка восхищённо вздохнула и продолжила завороженно смотреть на Ри, сжимая мех до побелевших костяшек на пальцах.

— Ладно, мне и правда пора, — улыбнулся капитан, аккуратно забрав мех из рук девочки, — спасибо за компанию, маленький воин!

Ри направился к особняку и скрылся в дверном проёме. Маленькая Мо ещё долго вглядывалась в тусклый свет окна, за которым исчез капитан, а затем, спрыгнув с забора, направилась в сторону дома. Солнце уже почти село, и розовые закатные блики, смешиваясь с тенью от листьев деревьев, играли на её шерстяной курточке, спасавшей от уже становившегося холодным осеннего ветра.

— Я тоже стану Охотником, — прошептала Мо, взглянув в вечернее небо, и быстро зашагала домой.

Спустя почти пять лет Мо лежала в своей постели, уставившись в потолок слабо освещённой комнаты. Она снова и снова прокру-

чивала этот момент в своей голове. Столько воды утекло с того вечера! Приходя наблюдать за тренировками каждые три дня, она успела познакомиться с Аро и Кэхо, а также с десятками других Охотников, которые уже успели узнать и полюбить любопытную малышку с нахмуренными бровями, которая на их глазах превратилась в целеустремлённую молодую девушку. Каждый год или два состав Охотников почти полностью менялся, когда очередная команда не возвращалась из рейда, но каждый раз Мо приходила понаблюдать за церемонией в вечер накануне и всей душой болела за уходящих воинов, желая им победить в тяжёлом бою. Конечно, в глубине души ей хотелось, чтобы они вернулись ни с чем, ведь с того самого вечера она будто знала, что чудовище должна победить именно она.

Девушка подняла ноги вверх, рассматривая их придиричивым взглядом. Чтобы попасть к Охотникам, одного желания недостаточно. И она это знала. А потому вот уже много месяцев подряд она каждый день выходила к реке, пробегая минимум пять километров и занимаясь всеми возможными упражнениями, о которых только могла узнать. Поначалу было невыносимо тяжело, и после пятисот метров бега и пары отжиманий девочка падала без сил на сухую землю, но со временем у неё начинало получаться всё лучше и лучше, и сейчас Мо

могла похвастаться внушительной для своего возраста силой и выносливостью.

— Мо! — раздался мамин крик с нижнего этажа. — Спускайся ужинать!

На столе лежали пшеничные лепёшки, запечённые до хрустящей корочки, в миске остывало ароматное гороховое пюре, а на тарелках уже был разложен яичный салат с сыром и чесноком. Мо положила себе пару ложек гороха, нехотя ковыряясь вилкой в тарелке.

— Думаю, что столичная Академия искусств — это прекрасный выбор, — вслух размышлял отец, жадно пережёвывая салат так, что в его раскрывающемся рту то и дело мелькало желтоватое месиво с травинками укропа, застрявшими между зубов, — правда, я всё ещё не уверен насчёт живописи.

— Ну почему же? — возразила мама. — Что вообще может быть прекраснее живописи?

— Грязное это дело, — продолжал отец, — то ли дело ткачество! В каждом столичном доме сейчас висят гобелены. Видела бы ты какие!

— Если бы я чаще бывала в столице. — Мать укоризненно посмотрела на отца. — Впрочем, гобелены — это прекрасно. Но, с другой стороны, только представь — твоя дочь однажды может расписать храм Двенадцати! Разве не об этом стоит мечтать?

— Я решила стать Охотником, — тихо проговорила Мо, вызвав над столом гулко звеня-